

УДК 7.031:745

*А.А. Инал-Ипа, главный специалист департамента охраны историко-культурного наследия
(Министерство культуры Республики Абхазия, Сухум)*

---

*А.Л. Усанова, доктор искусствоведения,
профессор кафедры культурологии и дизайна
(Алтайский государственный университет, Барнаул)*

---

*С.М. Будкеев, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории искусства, костюма и текстиля
(Алтайский государственный университет, Барнаул)*

КУЛЬТУРА И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ

Рассматриваются история, культура и декоративно-прикладное искусство древних поселений восточного побережья Черного моря. На примере древних городов Гюэноса, Диоскуриады, Эшерского городища и других исследуется быт поселений, культура, предметы искусства, изучается их взаимосвязь с эллинистическими временами. Анализируемый материал позволяет глубже раскрыть историко-культурные взаимосвязи быта народов, населяющих современную Абхазию, и народов древней Греции.

Ключевые слова: культура, декоративно-прикладное искусство, предметы быта, строительство, архитектура.

A. A. Inal-IPA, the chief specialist of Department of protection of historical and cultural heritage (Ministry of culture of the Republic of Abkhazia, Sukhum)

A. L. Usanov, doctor of arts, Professor of Department of Culturology and design (Altai State University, Barnaul)

S. M. Budkeev, doctor of arts, Professor of the Department of history of art, costume and textiles (Altai State University, Barnaul)

CULTURE AND DECORATIVE ARTS ANCIENT SETTLEMENTS ON THE EAST COAST OF THE BLACK SEA

The article deals with the history, culture, and decorative arts of ancient settlements on the Eastern black sea coast. Using the example of the ancient cities of Guenos, Dioscuriades, Esher settlement and others, the author examines the life of settlements, culture, art objects, and their relationship with Hellenistic times. The analyzed material allows us to reveal more deeply the historical and cultural relationships between the life of the peoples inhabiting modern Abkhazia and the peoples of ancient Greece.

Keywords: culture, decorative and applied arts, household items, construction, architecture.

Исследование историко-культурного наследия древних поселений восточного побережья Черного моря невозможно без опоры на основные положения системного подхода, включающие взаимосвязь общего и частных, входящих в исследуемую систему и обогащающих целостное представление об изучаемом объекте. Именно поэтому содержание статьи охватывает археологические, социокультурные, искусствоведческие аспекты [1].

В конце 1935 г. при строительстве Очамчирского порта (территория Абхазии) были обнаружены древние развалины. Сопоставив археологические и письменные сведения древних греческих авторов, ученые сделали вывод, что находка, несомненно, является остатками древнегреческого полиса, именуемого Гюэносом. Этот город можно смело поставить в один ряд с легендарными Диоскуриадой и Фасисом как по возрасту, так и по значению для современных историков и искусствоведов. Гюэнос – это один из наиболее ярких памятников древности на всем восточном Причерноморье.

«Колхи. За ним народ колхи и город Диоскуриада и Гюэнос, город эллинский и Гюэнос река...» – эти слова принадлежат автору IV в. до н.э. Псевдо-Скилаку Кариандскому [2, с. 14]. В начале второй половины XX в. это сообщение считалось единственным упоминанием античных авторов о Гюэносе. Однако более поздние исследования показали, что

это утверждение не соответствует действительности. О Гюэносе писали Помпоний Мела, Плиний Старший, Стефан Византийский и другие древние авторы. Но лишь в сообщении Псевдо-Скилака город называется Гюэносом. В остальных же источниках используются иные, различные варианты названия. О том, что речь шла именно об этом городе, свидетельствуют географические отметки авторов, указывавших на его местоположение. Вполне возможно, посетившим Гюэнос иностранцам было сложно передать в точности местный топоним, что и стало причиной, по которой его именовали по-разному.

Время возникновения Гюэноса до сих пор однозначно не установлено. Однако его, вероятно, стоит отнести к периоду не позже середины VI в. до н.э. Об этом свидетельствуют материалы археологических раскопок городища. Обнаружено присутствие в нижних слоях холмов «фрагментов хиосских амфор, со светлым ангобом, датируемых VII – началом VI вв., а также ионийской светло-глиняной посуды со следами черного, коричневого и красного лака, относящейся к середине второй половины VI в. до н.э.» [3, с. 50]. Несклько позже появляется и керамика из Аттики, относящаяся ко второй половине и концу VI в. до н.э., а также пухлогорлые хиосские амфоры конца VI – первой половины V в. до н.э.

Несомненно, большой интерес представляет состав находимых предметов быта, как греческого (о чем говорят многочисленные останки мидий и устриц), так и местного происхождения. Важны найденные в большом количестве косточки винограда, что свидетельствует о широком занятии в Гюэносе виноградарством и, вполне возможно, виноделием. В нижнем слое, помимо остатков виноградарства, содержатся скорлупа орехов, фундука и каштанов, а также ракушки каури, мидии, улитки, панцирь болотной черепахи, кости крупных и мелких животных, рога и клыки кабанов. Представляет интерес клык с отверстием для подвешивания, видимо, на шею в качестве амулета.

Из керамики были найдены различного вида сосуды местного происхождения и большое количество импортной, в основном ионийского происхождения, керамики. Однако с середины V в. до н.э. появляются также предметы и украшения из Аттики, в основном из Афин.

Материалы раскопок дают возможность предполагать вероятность занятий населения ремеслами, в том числе гончарным, о чем говорят фрагменты керамического сопла гончарной печи. О занятии земледелием свидетельствуют мелкие зерна, по-видимому, проса. Кости же мелких и крупных домашних животных, в том числе коров мелкой породы, говорят о развитии животноводства. Встречаются останки таких диких животных, как зубры, олени, кабаны, туры, дикие козы, медведи.

На сегодняшний день накопился довольно значительный фактологический материал. На основании имеющихся данных раскопок можно делать выводы, суть которых заключается в том, что район, на котором когда-то располагался Гюэнос, был освоен людьми еще в эпоху ранней бронзы.

Раскопки последних лет показали, что не позднее первой половины VI в. до н.э. здесь, на равнинном берегу моря, возникло поселение. Основатели его, вырубив лес и кустарники, предали их огню. Об этом свидетельствуют «попадавшиеся в большом количестве раскопанные уголь, зола, обожженные стволы, ветви деревьев» [3, с. 63]. Однако город довольно быстро утратил свое значение. Уже в III в. до н.э. античное поселение в районе Очамчирского порта прекращает свое существование, очевидно, в связи с обострившейся к этому времени политической обстановкой в крае.

Собирая сведения о Диоскуриаде, основанные в подавляющем большинстве на археологических данных [4], нельзя оставить без внимания и материалы, полученные в результате исследований Эшерского городища – значительного памятника культуры восточного Причерноморья эпохи ранней Античности и периода эллинизма, а судя по последним данным, также и в первые века поздней Античности. Эшерское городище, как видно, представляло собой небольшой, но сильно укрепленный городок у самого города-полиса, непосредственно к нему примыкавший. В настоящее время раскопана небольшая его часть, однако даже она дала значительное количество ценнейших материалов.

Эшерское городище находится в 10 км к западу от центра города Сухум и на расстоянии несколько большем, чем один километр от кромки моря. Расположено оно на правобережье реки Гумиста и занимает площадь одного из прибрежных холмов, около 4 га. Прискорбно, что в 1968 г. большая часть территории памятника была подвергнута террацированию под цитрусовые насаждения. Глубина распашки равнялась 70–80 см, что было вполне достаточным, чтобы уничтожить все сооружения и весь культурный слой этого памятника. Потеря эта невосполнима. Как пишет Г.К. Шамба, руководитель археологической экспедиции, раскапывавшей городище, «глубокий овраг надежно защищал памятник со стороны северо-востока, а западная сторона холма почти неприступна благодаря очень крутому склону. По своей топографии городище состоит из разделенных крутым склоном двух частей – верхней и нижней» [5, с. 16]. Раскопкам были подвергнуты обе отмеченные части, к сожалению небольшие, особенно нижней площади.

Согласно данным, полученным в ходе раскопок верхней части, на площади размером в 2000 м², выяснилось, что там сосредоточе-

ны следы жизни как раннеантичного и даже классического времени VI–V вв. до н.э. (может быть, конца VII в.), так и эллинистического периода. Что же касается поверхности нижней части городища, то раскопки на площади 500 м² дали материалы только эллинистического периода IV–I вв. до н.э., причем до самого его конца, т.е. до 30 г. до н.э., впрочем, так же, как и на верхней площади. Материалы VI–V вв. до н.э. в обработанных раскопах полностью отсутствуют. Значит, нижняя часть холма в раннее время не была освоена греческими поселенцами, предпочитавшими заселить более защищенную верхнюю часть холма. За водой жители этой местности спускались к подножию холма, где с двух его сторон изливали свои воды два прекрасных источника, действующие и поныне.

Заслуживает внимания устное сообщение краеведа М.М. Иващенко о наличии на верхней площади развалин помещений, выстроенных из хорошо обтесанных плит. Новопришлые поселенцы этих мест использовали их в начале XX столетия при сооружении местной церкви, магазина и при строительстве многих частных домов. И в наше время на всей территории верхней площади лежат вразброс многочисленные каменные блоки, свидетельствующие о наличии каких-то сооружений еще до появления греческого населения, т.е. до VI в. до н.э. (Холм был обитаем с самой глубокой древности).

На верхней площадке были обнаружены также стены, сложенные из плотно пригнанных друг к другу рустованных блоков. Эти стены с сохранившимся фундаментом принадлежали некогда большому зданию, которое напоминало собой так называемые казармы эллинистического времени, раскопанные в Херсонесе (Северное Причерноморье) и в Центральной Колхиде. Несомненно, что именно этому зданию принадлежали остатки капителей, колонн, частей карниза и других деталей, изготовленных иногда из мрамора [6]. Их обнаружили археологи вблизи этого объекта, причем не только на территории самого здания, но в не меньшем количестве и в его более дальней округе.

Как видно, все городище было обнесено оборонительными стенами с башнями, часть из которых уже вскрыта. Были обнаружены и следы просматривавшегося рва, глубиной от современной поверхности в 1,50 м и шириной 6 м. Ров отстоял от стены на расстоянии 5–10 м в зависимости от изгибов рельефа. Пока выявлено только три башни, все они имеют прямоугольные очертания. От соединявших же их куртин остались только фундаменты. Первая башня была сложена из необработанных диких валунов и вторично использованных известняковых квадратов. В фундамент укладывали отесанные блоки, части колонн,

бронзовых скульптурных фигур, сосуды, использовали даже большой фрагмент известняковой плиты с остатками древней надписи. Известняковый раствор получали из гашеных известняковых блоков и колонн, некогда украшавших эллинистическое здание. Эти приемы автор монографии «Эшерское городище». Г.К. Шамба назвал варварскими. По воспоминаниям местных жителей-старожилов, сообщенным археологу Л.Н. Соловьеву, многие из них были из мрамора, но все они были похищены как местными жителями, так и пришлыми людьми [7].

К башням примыкали специально пристроенные помещения, причем не только в них, но и в самих башнях, как правило, находили закопанные, или целиком, или только частью, хозяйственные пифосы для хранения зерен и многих других продуктов. Там же было сделано и множество важных находок. Среди последних особое значение имеет обнаружение фрагментов ионийской «полосатой» посуды, а также обломков чернофигурной и краснофигурной керамики, которые свидетельствуют об очень раннем появлении на этой территории греческих переселенцев. Все находки относятся, как уже было отмечено, к раннеантичному времени (VI–V вв. до н.э.). Среди них есть и такие, которые функционировали еще в конце VII в. до н.э. Однако все эти находки были сделаны только в верхней части холма, на нижних раскопах не было найдено ни одной вещи такого раннего времени. Это говорит о том, что холм в этом месте заселялся в значительно более позднее время (IV–II вв.), но отличался большей численностью населения.

Предметы – свидетели эллинистического времени – были найдены в большом количестве в обеих частях поселения. Здесь из строительных материалов были найдены разные виды черепицы, кирпичи, разнообразные тесаные плиты и грубо обколотые глыбы, железные гвозди и др. Было обнаружено и огромное количество предметов хозяйствования, как сельскохозяйственного, так и скотоводческого характера (сошники, мотыги, кривые ножички для садоводческих занятий, топоры, четырехугольные ранние жернова для перемола зерна, например, у городища были найдены как культурные, так и дикие виды проса), а также каменные ладьевидные и плоские зернотерки двух видов. Представляют интерес находки семян и технической культуры – льна. О занятиях овцеводством свидетельствуют железные пружинные ножницы для стрижки овец. Как видно, жители холма продолжали это занятие, широко развитое в их метрополии – Милете.

На городище найдено немалое количество керамических грузил для вертикального ткацкого станка. О занятиях рыболовством свидетельствуют многочисленные, в основном круглые, каменные грузила

для сетей, бронзовая вила-игла для их плетения, железный рыболовный крючок для удочки. К рыболовным снастям относятся и предметы из толстого листа свинца с зазорами, а также нахождение многочисленных створок и их обломков раковин мидий. Множество кухонных и столовых принадлежностей дали раскопки на всей изучаемой площади. Среди них уже упоминавшиеся пифосы, амфоры, чернолаковая ранняя и более поздняя посуда, кубки разнообразных форм, рыбные блюда, всевозможные миски, кастрюли с крышками и т.д.

На нижней площадке городища наиболее важным объектом оказалось здание, как видно, административного или просто общественного назначения. Раскопана была всего его треть. К сожалению, сохранилась лишь часть двух стен, образующих северный угол помещения. Фундамент его сложен из тесаных блоков вперемежку с известняковыми плитами и булыжными камнями. Г.К. Шамба пишет в книге, посвященной результатам раскопок городища: «Большой интерес представляет конструкция помещения. Видимо, она имела деревянные колонны, чередующиеся примерно через каждые три метра. Колонны вставлялись в специальные углубления шириной 50 см, подстилаемые известняковыми плитами. Хотя выявленная часть здания очень незначительна, но предварительно можно сказать, что она относится к помещениям с открытым двориком типа перистиля» [5, с. 11].

Множество обугленных остатков бревен свидетельствует о сильном пожаре, от которого и погибло здание. Находки там монет города Амиаса, относящихся к периоду 110–90 гг. до н.э., говорят о том, что событие это произошло где-то в первой половине I в. до н.э. во время каких-то военных действий. Как отмечает далее Г.К. Шамба, на западной окраине здания залегал хорошо отесанный блок из темно-бурого песчаника. У его подножия вразброс находились сильно пострадавшие от огня пожара обломки бронзовой доски с остатками греческих букв и отдельных фрагментов с обрывками текста надписи.

Греки за целый ряд веков колонизации изменили весь ход местной истории. Столетия их пребывания на восточном Причерноморье не прошли бесследно. Местные народы обрели новые знания и навыки, которые впоследствии успешно использовали, объединив их с собственными умениями и применяя на свой лад. Греческое присутствие оказало огромное влияние на культуру, искусство, ремесла, военное дело, строительство и др.

Характер взаимоотношений между греками и местными племенами был разнообразным. Он зависел от многих факторов. Колонизация не всегда и не везде проходила мирно, без сопротивления аборигенов.

На это указывают раскопанные защитные сооружения, например Пюэноса и Диоскуриады. Однако необходимо отметить, что вести войны с коренными племенами греки не стремились. Напротив, они хотели привлечь как можно больше местного населения для достижения своих целей. Греки старались втянуть местных в свой культурный и торговый оборот, использовали их труд. И это удавалось. Местные жители охотно обменивались товарами с новыми поселенцами. О широчайшем развитии торговли в Диоскуриаде свидетельствуют сообщения Тимосфена и Страбона, описывающих рынок Диоскуриады как место сбора представителей большого количества племен, как в более ранние времена, так и в начальный период присутствия римлян.

Греческая колонизация, несомненно, оказала огромное влияние на развитие социально-экономической и политической жизни местных племен [8]. Так, например, по сведениям Страбона, сообщавшего о наличии четырех царей у гениохов, управлявших народом посредством специальных скептухов (жезлоносцев), возможно, являвшихся руководителями отдельных племен, входивших в эти царства. Поскольку Страбон жил в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э., то его сведения являются ретроспективными. Он использовал утраченные ныне данные авторов, современников войн Митридата с Римом, которые слышали их от непосредственных участников военных событий. И если эти сведения о царях и скептухах, управлявших народом, относились к самому началу I в. до н.э., то можно быть уверенными в том, что такое положение сложилось в еще гораздо более раннем времени.

Что касается взаимодействия греков с местным населением, то, несомненно, в городе проживало немало как знати, так и простых людей, представителей местных племен, которые могли быть ремесленниками, моряками, судостроителями и трудиться в других областях хозяйства, культуры и общей экономики.

На примере керамического производства с самого начала видны признаки взаимодействия. Так, например, греки использовали идеи для подражания местным керамическим изделиям (простой посуды), а местные в свою очередь перенимали греческие формы тарной (пифосы, амфоры) и простой столовой посуды.

На территории не только Диоскуриады, но на близлежащих холмах найдено немало остатков гончарного производства. Резко возросло использование лесных ресурсов – самшит для важных поделок, требующих твердости и красоты дерева; корабельный лес (дуб и др.); мачтовый лес, в основном хвойный (сосна и др.). Производились пенька, канаты, веревки, деготь, смола, воск, которые поставлялись на рынки

полисов. Дальнейшее развитие получило и скотоводство, дававшее как шкуры, которыми покрывали товары на кораблях, так и шерсть [5].

Фундамент уже сделанных открытий все же не позволяет увидеть полную картину жизни и быта обществ и городов-полисов всего периода ранней и поздней Античности. Несмотря на проделанные работы в отношении археологического, исторического, искусствоведческого исследования, немалое количество собранных материалов, большую часть культурно-исторических событий ученым еще только предстоит открыть [9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будкеев Д.С., Будкеев С.М. Системный подход в научном исследовании по искусствоведению // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86): в 4 ч. Ч. 1. Тамбов : Грамота, 2017. С. 60–63.
2. Псевдо-Скилак Кариандский. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии. М. ; Л., 1947.
3. Шамба С.М. Гюэнос-І. Тбилиси, 1988.
4. Инал-Ипа А.А., Будкеев С.М. Художественное ремесло Раннеантичной Диоскуриады // Культурное наследие Сибири. 2018. №2 (26). С. 107–113.
5. Шамба Г.К. Эшерское Городище. Тбилиси, 1980.
6. Инал-Ипа А.А., Будкеев С.М. Архитектура византийских храмов на восточном побережье Черного моря // Инновационные процессы в условия глобализации мировой экономики: проблемы, тенденции, перспективы (IPEG-2018) : сб. науч. трудов. Прага, 2018. С. 61–62. ISBN 978-80-7526-316-2.
7. Соловьев Л.Н. Диоскурия – Себастополис – Цхум // Труды Абхазского госмузея. Т. I. Сухуми, 1947.
8. Инал-Ипа А.А., Будкеев С.М. Предпосылки развития культуры и искусства Абхазии в период греческой колонизации восточных районов Чёрного моря // Культурное наследие Сибири. 2017. № 6 (24). С. 50–56.
9. Усанова А.Л. Искусствоведение в формировании художественно-образного мышления у студентов творческих специальностей // Строгановская школа: фундамент традиций и новаторский поиск. Учителя и ученики : материалы Межвузовской научн. конф. к 190-летию МГХПА им. С.Г. Строганова. М. : Изд-во МГХПА., 2015. С. 97–99.

BIBLIOGRAPHY

1. Budkeev D. S., Budkeev S. M. System approach in scientific research on art history // Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural

studies and art criticism: Questions of theory and practice. 2017. no. 12 (86): in 4 CH. 1. Tambov: Gramota, 2017. Pp. 60-63.

2. Pseudo-Skilak Kariandsky. Description of the sea adjacent to populated Europe, Asia and Libya. M.; L., 1947.

3. Shamba S. M. Guenos-I. Tbilisi, 1988.

4. Inal-IPA A. A., Budkeev S. M. Art craft of the early Antique Dioskuriad // Cultural heritage of Siberia. 2018. no. 2 (26). Pp. 107–113.

5. Shamba G. K. Esher Settlement. Tbilisi, 1980.

6. Inal-IPA A. A., Budkeev S. M. Architecture of Byzantine temples on the Eastern coast of the Black sea // Innovative processes in the conditions of globalization of the world economy: problems, trends, prospects (IPEG-2018): collection of scientific works. Prague, 2018. Pp. 61-62. ISBN 978-80-7526-316-2.

7. Solovyov L. N. Dioskuria-Sebastopolis-Tskhum // Proceedings of the Abkhazian state Museum. T. I. Sukhumi, 1947.

8. Inal-IPA A. A., Budkeev S. M. Prerequisites for the development of culture and art in Abkhazia during the Greek colonization of the Eastern regions of the Black sea // Cultural heritage of Siberia. 2017. no. 6 (24). Pp. 50-56.

9. Usanova A. L. art History in the formation of artistic and imaginative thinking among students of creative specialties // Stroganov school: the Foundation of traditions and innovative search. Teachers and students: materials of the Intercollegiate scientific conference on the 190th anniversary of the Stroganov Moscow state UNIVERSITY. M.: MGHPA publishing House, 2015, Pp. 97–99.